

Лазарев Ф.В.

ПОНЯТИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ЗНАНИЯ В ИНТЕРВАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Для традиционных вариантов эпистемологических учений характерно допущение, согласно которому исходная гносеологическая ситуация включает в себя два ключевых понятия – *субъект и объект*. При этом само познание рассматривается как *взаимодействие* субъекта и объекта, осуществляющееся в своего рода гносеологическом вакууме. Другими словами, предполагалось, что конкретные условия, в которых происходит процесс познания, никак по сути не влияют на ход и результат познавательной активности. Однако по мере углубления в существо проблемы философы все чаще стали обращать внимание на *условия познания*, хотя это делалось, как правило, в весьма абстрактной форме. Так, уже Кант исследовал вопрос об «условиях мыслимости» объекта в познании, об априорных *предпосылках* и т.д. В XIX в. активно обсуждается смысл таких познавательных *контекстов*, как историческое время, социальная среда, культурный фон и др. В первой половине XX столетия революционные перемены в физике заставили говорить методологов науки о *физических* аспектах, некоторым образом входящих в *условия познания*. А. Эйнштейн обратил внимание на важность категории относительности в физике и на фундаментальную роль понятия «системы отсчета». Позднее Н. Бор детально исследовал теоретико-познавательный аспект принципа дополнительности в квантовой механике. Во введении к своей книге «Атомная физика и человеческое познание» Н. Бор в 1957 году писал: «Самая суть аргументации состоит в том, что для объективного описания и гармоничного охвата опытных фактов необходимо почти во всех областях знания обращать внимание на обстоятельства, при которых эти данные получены» [1, с.13]. В сущности, важнейший гносеологический урок из научной революции в естествознании заключался в том, что во всех сферах познавательной деятельности человека необходимо учитывать в качестве условия познания определенные характеристики *структуры реальности*, например, возможность существования дополнительных аспектов в отношении тех условий, в которых данный конкретный субъект решает познавательную задачу.

Однако все эти и подобные им гносеологические факты, несмотря на их несомненную важность для понимания процесса познания, долгие годы не были систематизированы и обобщены в некую целостную эпистемологическую концепцию. Такая работа была начата лишь в 60-е годы прошлого столетия в рамках *интервальной методологии* [3-7]. Цель предлагаемой работы – рассмотреть относительность знания как ключевую проблему гносеологии, проанализировать в этой связи важное для интервального подхода понятие «познавательная ситуация», а также сформулировать те гносеологические следствия, которые из этого понятия вытекают.

Топология взаимодействия субъекта и объекта: проблема контекста

То, что человек познает окружающие его вещи лишь при конкретных обстоятельствах, было очевидно еще для древних философов. Однако при этом неявно предполагалось, что внешние условия, в которых находится субъект, не влияют на способ и характер познания. Любопытно, что эта установка была некой презумпцией не только в понимании взаимодействия субъекта и объекта, но и при естественнонаучном исследовании физического мира. Обратимся к тому, как рассматривает Аристотель в своей механике проблему движения тел. Он трактует любое физическое тело как нечто существующее само по себе в абсолютном смысле. При этом оно находится в одном из двух несовместимых между собой состояниях: оно либо движется, либо находится в покое. Движение и покой – абсолютные характеристики тела. Отсюда – аристотелевский закон движения: тело движется, пока на него действует сила.

Как известно, классическая механика началась с прямо противоположного утверждения: тело находится в состоянии равномерного и прямолинейного движения, пока на него не подействует сила. Сила не порождает движение, а лишь меняет его состояние (скорость или направление). Но самым интересным для нашего анализа был второй аспект проблемы: движение и покой различаются не абсолютно, а *относительно*. Вопрос, движется данное тело или нет, содержит в себе неопределенность и потому лишен конкретного смысла, пока не указана соответствующая система отсчета, относительно которой движение тела или покой приобретают однозначный физический смысл. Таким образом, две полярные категории не могут рассматриваться лишь относительно друг друга, но и обязательно через их отношение к некоторой *третьей категории*. Именно эта третья категория задает *смысловой контекст*, вне которого вопрос не имеет однозначного решения. Речь идет о некоторой выделенной топологии бытия физического тела, о некоем «хронотопе». Впрочем, так видится проблема именно сегодня в свете опыта развития теоретической физики. В доэйнштейновской науке понятие системы отсчета трактовалось существенно иначе, например, Ньютон рассматривал это понятие как искусственную относительную сетку, с помощью которой наблюдатели получают данные измерений как относительные величины. Что касается движения «на самом деле», т.е. «абсолютно», то создатель механики полагал, что помимо относительных систем отсчета, существует и абсолютная, которая – то как раз и дает нам представление об истинном движении или покое.

Отказавшись от существования привилегированной, абсолютной системы отсчета, Эйнштейн не только уравнивал в правах все относительные системы отсчета, но и придал им самостоятельный онтологический смысл. Здесь может возникнуть следующий вопрос: если движение и покой определяются только по отношению к той или иной системе референции, то что можно сказать о самой этой системе – движется она или покоится? Не обстоит ли дело таким образом, что в вопросе о движении или покое тела мы просто

прячемся за понятие системы отсчета, сводя одно к другому? Принцип относительности гласит, что *изнутри* инерциальной системы отсчета мы не можем отличить движение системы от покоя никакими экспериментальными средствами. Это – закон природы. А может ли этот вопрос решить внешний наблюдатель? Может, если найдет соответствующую систему отсчета, по отношению к которой данная система выступает просто как физическое тело. Мы вернулись к тому же, с чего начали, только на новом витке анализа. Это значит, что категориальная триада «движение – покой – система отсчета» логически прочна и методологически безупречна. Этот факт и позволяет сделать новый шаг к обобщению, задав себе вопрос: а не обстоит ли дело аналогичным образом, когда речь идет о других парах полярных категорий, например, о субъекте и объекте? Интервальный подход утверждает, что такая аналогия существует.

Если мы не можем ничего сказать осмысленного о движении или покое, не фиксируя соответствующую систему отсчета, то аналогичным образом мы ничего не можем сказать о субъекте или объекте, не задав необходимый контекст рассмотрения, точнее, не указав конкретную *познавательную ситуацию* (ПС), в рамках которой субъект познает объект. Субъект, взятый вне какой-либо ПС, есть чистая абстракция, ибо именно реальная ПС задает перспективу видения объекта, высвечивает необходимый для данной задачи ракурс рассмотрения, обуславливает нужный набор познавательных средств. Равным образом и объект выступает как *конкретный предмет познания* лишь будучи взятый в заданном контексте рассмотрения. Таким образом, субъект (С), объект (О) и ПС образуют единое целое и выступают в силу этого тремя исходными, ключевыми понятиями эпистемологии.

Понятие системы отсчета представляет для нашей темы специальный интерес и еще в одном отношении. Все дело в том, что она являет собой замечательный пример ПС в сфере естественнонаучного познания. Наблюдатель, находящийся внутри системы отсчета, производит различные физические опыты, результаты которых в гносеологическом плане являются набором определенных фактуальных истин. Если мы возьмем теперь другого наблюдателя, занимающего внешнюю по отношению к первому ПС, то результаты его наблюдений за теми же самыми физическими событиями будут существенно отличаться, образуя другой ряд параллельных истин. Это значит, что мы не вправе говорить об истинности или ложности тех или иных фактуальных высказываний, не соотнося их с конкретной ПС. То, что может быть истинным для внутреннего наблюдателя, может быть ложным для внешнего, и наоборот. Такое положение дел в физической науке давно известно. Однако отнюдь не тривиальным является обобщение этого эпистемологического факта на *все сферы человеческого познания*. А названное обобщение гласит: любая истина, полученная субъектом в рамках данной ПС, является относительной к данной ситуации и может стать ложной при переходе к другой. Здесь следует оговорить одно важное обстоятельство: отнюдь не все истины при переходе к другой ПС меняют свою логическую валентность, т.е. превращаются в ложь. Как говорят физики, при переходе от одной системы отсчета к другой одни величины обнаруживают свою зависимость от исходной системы отсчета, а другие оказываются *инвариантными*. Эта инвариантность, однако, сама может быть относительной в других условиях. Так, масса тела в классической механике инвариантна, а в релятивистской – зависит от системы отсчета.

Если мы обратимся теперь к познавательным процессам в общем плане, т.е. от физики перейдем к эпистемологии, то должны сказать, что любое наше высказывание о вещах, явлениях или законах окружающего мира может корректно рассматриваться с точки зрения истины или лжи лишь в случае, если задана соответствующая познавательная позиция, некий контекст рассмотрения. (При этом одни истины будут относительными к данному контексту, а другие – инвариантными.) Обратимся в связи с этим к такой паре категорий, как тождество и различие. Возьмем, например, двух человек – Ивана и Петра и спросим, похожи ли они между собой или различны? Можно до бесконечности спорить на эту тему, так и не придя к единому мнению. Однако спор этот заведомо беспредметный, ибо не корректно поставлен сам вопрос. Очевидно, что необходимо задать контекст, в рамках которого процедура сравнения приобретет однозначный смысл (сравнивать можно по росту, полу, национальности, профессии и т.д.).

«Контекст» и «интервал»

Лет двадцать-тридцать тому назад в методологическом сознании эпохи (как у профессионалов-методологов, так и у обычных потребителей методологических знаний – ученых, инженеров, педагогов, политиков и т.п.) прижилась эвристически емкая метафора – *«контекст»*. В некоторых случаях этому термину удавалось придать более или менее строгий смысл, но чаще всего он употреблялся в самом широком, почти «категориальном» плане (чуть не сказал – «контексте»). Заговорили даже о «контекстуальном подходе». Для философов было очевидно, что это слово восполняет какое-то важное, недостающее в строе нашего мышления понятие. Но мало кто пытался сделать этот термин более точным, ибо казалось, что он вполне ясен на интуитивном уровне.

Между тем, достаточно задать несколько уточняющих вопросов, как станет очевидным, что семантика данной метафоры весьма расплывчата. В самом деле: кто и как задает контекст рассмотрения? обусловлен ли он неким объективным обстоятельством дела или является лишь идеальной конструкцией нашего ума? Где границы этого контекста, есть ли они вообще, и если есть, то как их установить? Как перейти от одного контекста к другому? Вопросы подобного рода можно задавать, как говорится, до бесконечности. Но если ответы на такие вопросы не ясны, то употребление слова «контекст» лишь создает видимость какого-либо объяснения в тех или иных ситуациях познания.

Вот почему я предпочитаю другую терминологию, разработанную в рамках *интервальной* методологии. Последняя возникла еще до того, как обсуждаемый термин вошел в употребление как «философски

нагруженный». В ней детальным образом разработан необходимый аппарат понятий, таких, как «интервал абстракции», «интервальная ситуация», «наблюдатель и теоретик», «гносеологическая фокусировка» и т.п. Почему же большинство авторов предпочитают «контекстуальную метафору»? Основных причин здесь, на мой взгляд, несколько: во-первых, многие философы не знакомы с интервальным подходом, во-вторых, некоторые предпочитают пользоваться «нейтральным» словом «контекст», чем связывать себя некоторыми специфическими допущениями интервальной парадигмы, в-третьих, есть такие авторы, которые не желают взять на себя труд вникнуть в тонкости этого понятия, ограничиваясь чисто интуитивным уровнем.

В данной статье нет возможности углубляться в терминологию интервальности. И все же попытаюсь пояснить некоторые ключевые понятия. Исторически интервальная методология складывалась таким образом, что в качестве исходной единицы эпистемологического анализа рассматривалась прежде всего *абстракция*. Последняя понималась как способ концептуального сечения реальности с целью выделения, категоризации и отображения объектов познания. В рамках интервальной программы понятию «абстракция» придается весьма широкий смысл. Это есть и *метод* (абстрагирование), и *форма* научного познания, причем в последнем случае в качестве абстракции могут рассматриваться как концепты, так и сами высказывания или их совокупности (теоретические модели).

По отношению к объектам эмпирического опыта абстракция как концепт представляет собой идеальную *конструкцию* (абстрактный объект), ибо в повседневной реальности нельзя найти такие вещи или явления, которые непосредственно могли бы выступать в качестве денотатов тех или иных абстракций. Из этого гносеологического факта нельзя, однако, делать вывод о том, что абстракции суть мысленные «огрубления», деформации реальности. Слово «конструкт» в данном случае означает следующее: во-первых, содержание абстракции мысленно конструируется субъектом с помощью таких процедур, как *отвлечение* и *пополнение* (не все содержание, которое мы предполагаем в эмпирическом объекте, входит в соответствующий абстрактный объект; вместе с тем в содержание этого последнего привносится дополнительная информация); во-вторых, любое отвлечение и пополнение имеет законную силу, если существуют такие практические и познавательные ситуации, по отношению к которым данный конструкт выступает как адекватная модель; в-третьих, конструкт играет роль некоей познавательной *перспективной* видения объекта в горизонте заданных условий; в-четвертых, конструирование концепта предполагает и конструирование (мысленное или операционально-практическое) соответствующих ситуаций.

Интервал абстракции – понятие, обозначающее *пределы* рациональной обоснованности той или иной абстракции, условия ее «предметной истинности» и границы применимости, устанавливаемые на основе информации, полученной эмпирическими или логическими средствами.

Необходимость введения в методологию понятия интервала абстракции связана с идеей *обоснования* (опытного или теоретического) научной абстракции – как самого *процесса* абстрагирования, так и его *результата*. Абстрагируя в процессе познания, исследователь действует отнюдь не произвольно, а по определенным правилам и согласно поставленной познавательной задаче. Поскольку цель любых актов отвлечения и пополнения (когда в содержании концепта привносится новая информация, никак не вытекающая из исходных опытных данных) в исследовательской практике связана в конечном итоге с достижением научной истины, то возникает необходимость учитывать в познании те ограничения и те регулятивы, которые имеют место в отношении самой человеческой способности к абстракции. Во-первых, то, от чего абстрагируются в процессе постижения объекта, должно быть *посторонним* (по четко оговоренным критериям) для результата абстракции, а то, чем пополняется содержание идеального конструкта, должно быть *релевантным*. Во-вторых, исследователь должен знать, до *какого предела* данное отвлечение имеет законную силу. В-третьих, при исследовании *сложных* систем следует производить *концептуальную развертку* объекта в виде совокупности его проекций в многомерном пространстве интервалов. В-четвертых, на определенном этапе необходимо осуществлять *концептуальную сборку* относящихся к делу интервалов абстракции в единую *конфигурацию* и производить отвлечение от всех остальных (посторонних) перспектив видения данного объекта.

Концептуальная развертка – отображение одного и того же исходного объекта исследования в разных (логически не связанных) теоретических плоскостях (картинах) и соответственно в множестве интервалов абстракции. Так, например, в квантовой механике один и тот же объект (элементарная частица) может быть попеременно представлен в рамках двух картин – то как *корпускула* (в одних условиях эксперимента), то как *волна* (в других условиях). Эти картины логически и семантически несовместимы между собой, но лишь взятые вместе они исчерпывают всю необходимую информацию о поведении микрообъектов. Подобно этому, в социологии индивид может рассматриваться в разных социокультурных и социально-экономических ситуациях, в которых он играет разные социальные роли. Каждая такая ситуация, взятая как объективная целостность во всей совокупности своих проявлений, может быть основанием для формирования соответствующего концепта с заданным интервалом абстракции.

Концептуальная сборка – представление объекта в многомерном когнитивном пространстве путем установления логических связей и трансдуктивных переходов между разными интервалами, образующими единую смысловую *конфигурацию*. Так, в классической механике одно и то же физическое событие может быть отображено наблюдателями, расположенными в разных инерционных системах отсчета, в виде разных совокупностей экспериментальных истин. Эти противоречащие друг другу картины, тем не менее, могут образовывать некое единое концептуальное целое благодаря «правилам преобразова-

ния» Галилея, регулирующим способы перехода от одной совокупности высказываний к другой. Существуют два основных типа трансдуктивных перехода. В одном случае (как это имеет место в кл. механике) смена интервалов не ведет к изменению семантики исходных понятий, в другом случае (например, при переходе от классического наблюдателя к релятивистскому) – семантика меняется.

Таким образом, можно сказать что в отличие от «контекстуальной» метафоры с ее размытым содержанием, интервальный подход придает особое значение анализу *объективных условий познания*. В этом случае термин «контекст» наполняется новым эпистемологическим содержанием: с одной стороны, он есть некоторая «точка отсчета» познающего субъекта, задающая интеллектуальную перспективу видения реальности и обеспечивающая схватывание смысла используемых концептов, с другой стороны, он есть нечто извне детерминируемое, некая объективная мера бытия, предопределяющая интересубъективность понятийной семантики и обуславливающая масштаб подхода к изучаемому объекту, некий его «срез», высвечиваемый субъектом с помощью имеющихся у него предметно-практических и концептуальных средств.

Понятие гносеологической фокусировки

Мы видим, что интервальный подход предполагает своего рода *топологический* взгляд на формы и процессы познания. Прежде всего, сам субъект, как уже отмечалось, здесь понимается существенно иначе, чем в традиционных теориях познания. Идея об «абсолютном наблюдателе», которому открыта реальность в ее истинном свете, должна быть отброшена. Субъект не существует сам по себе в некоем абсолютном пространстве бытия: он всегда находится в определенных *условиях познания*, например, интервалазадающей системе, определяющей тип той или иной конкретной *познавательной позиции*. Последняя в каждом реальном случае имеет свои специфические свойства, например, это может быть позиция «изнутри» или «извне», позиция «над интервалом» и др. Все эти позиции эпистемологически отличаются друг от друга, обладают различными познавательными возможностями. Важной проблемой в отношении любой познавательной позиции является вопрос о ее *сфокусированности*. Физики говорят: не во всякое системе отсчета законы природы имеют простой вид. Для этого нужно воспользоваться так называемой инерциальной системой отсчета. Подобно этому не любые условия познания являются благоприятными для адекватного постижения объекта. Последнее обстоятельство представляет интерес с той точки зрения, что субъект, находясь в некоторой познавательной ситуации, в большинстве случаев должен еще каким-то образом подготовить эту ситуацию, сделать ее удобной для целей познания (например, в квантовой механике ученые говорят о существовании «приготавливающей стадии эксперимента»), подобрать нужные инструменты, спланировать ход эксперимента, привести наблюдаемый объект к стандартному виду и т.п.

Важнейшим шагом подготовки условий познания является *гносеологическая фокусировка*. Речь идет о том, как добиться максимальной ясности в работе с объектом, как обеспечить исследование явлений в «чистом виде». Очевидно, что все, что мешает познанию, затемняет существо дела, искажает естественное течение событий, усиливает информационный шум, - все это должно быть устранено из познавательного процесса.

С гносеологическим феноменом фокусировки мы встречаемся, вообще говоря, уже на перцептивном уровне, когда возникает необходимость в «наведении на резкость» с целью получения отчетливого изображения. В сущности, «наведение на резкость» есть элементарная процедура, в которой фигурируют три основных элемента познавательной ситуации – объект, субъект и связывающий их информационный посредник. Гносеологическая сущность фокусировки в этом случае заключается в том, чтобы найти *меру адекватности* зрительно образу объекту в заданных условиях. Чем задается эта мера? Во-первых, природой самого объекта (его предметной выделенностью из среды, его размерами, структурой и т.п.); во-вторых, природой субъекта (наличием соответствующих органов чувств, а также существованием формируемой социокультурными механизмами *интерпретативной матрицы*, обеспечивающей способность к узнаванию и истолкованию); в-третьих, свойствами информационного посредника (например, свойствами потока оптических сигналов).

Опытно-экспериментальная деятельность ученого также может быть рассмотрена как систематический поиск меры адекватного согласования выдвигаемых в теории объяснительных моделей и эмпирических данных. В этом контексте гносеологическая фокусировка приобретает дополнительные черты. Она связана здесь с конструированием такой экспериментальной ситуации, в пределах которой изучаемое явление протекает в «чистом виде», а искомые законы природы обнаруживаются с такой степенью точности, что позволяют зафиксировать их с помощью теоретических средств. Предметно воспроизводя в эксперименте упрощающие, идеализирующие условия для протекания исследуемых явлений, субъект воссоздает новую, очищенную от случайностей и затемняющих обстоятельств реальность, по отношению которых научные абстракции, включая математические конструкторы, находят точную и однозначную интерпретацию.

Из сказанного вытекает тот вывод, что любая познавательная перспектива выполняет свою гносеологическую функцию лишь в том случае, если она определенным образом подобрана к требованиям познавательной задачи. В итоге мы можем сказать, что актуально процесс познания возможен при том непременном условии, что ключевые элементы (субъект, объект и условия познания) тонко подогнаны друг к другу, образуя эффективное единство.

Проблема относительности знания

Выражение «относительность знания», «относительность истины» вот уже, пожалуй, полтора столе-

тия не сходит со страниц эпистемологических работ. В результате оно настолько затерлось, что, кажется, потеряло всякий смысл. Стало трюизмом говорить, что человеческое знание не может претендовать на абсолютность, что истины наши приблизительны, неточны, условны, несут в себе элемент огрубления, момент остановки движения в мысли, субъективности и т.п. Особенно часто этот кочующий из книги в книгу философский штамп встречался в марксистских текстах. Создавалось впечатление, что с течением времени затерлся даже исконный смысл слова «относительный» как *относительный к чему-то*.

Ленин в своих философских штудиях настойчиво подчеркивал тезис о том, что во всякой относительной истине есть элемент, момент абсолютной, в противном случае об истине нельзя говорить как об *объективной*. Он был убежден в том, что в истории научной мысли мы не можем не видеть «относительность всякого знания и абсолютное содержание в каждом шаге познания вперед» [8, с.162]. В другом месте читаем: «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» [8, с.190]. И еще: «Конечный, преходящий, относительный, условный характер человеческого познания... Кант принял за *субъективизм*, а не за диалектику идеи (=самой природы), оторвав познание от объекта» [8, с.189]. В основе данного взгляда лежат следующие презумпции:

1. *относительное* в познании связано с субъективной реальностью, с конечным, преходящим, огрубляющим характером познания,
2. относительное преодолевается в результате исторически развертывающегося, непрерывного и бесконечного по своей сути процесса *приближения* познания к своему объекту (континуальная модель),
3. момент абсолютного в относительном проистекает из того, что, во-первых, познание *направлено на объект*, во-вторых, постоянно (то медленно, то решительными рывками) *приближается* к объективной реальности.

Представленная выше марксистская трактовка относительности заключает в себе некий познавательный парадокс. В самом деле, в силу *бесконечности* процесса приближения мысли к объекту между знанием и реальностью в любой конкретный момент существует бесконечная дистанция, а это означает практическую невозможность актуальной познаваемости мира.

Следует отметить, что тезис о сращенности феномена относительности с человеческой *субъективностью* характерен не только для марксистской гносеологии, но и имеет давние историко-философские корни. Вопреки утверждениям Ленина, Кант был первым, кто попытался оторвать относительность от чисто субъективной сферы, выдвинув идею априорных форм как неких объективированных структур (что позднее высоко ценил Гегель). В ряде эпистемологических учений XX в. тенденция выводить относительность из субъективности даже усиливается, перерастая в абсолютный релятивизм и плюрализм. Известный постпозитивист П. Фейерабенд в 1962 г. писал: «...теория, выдвигаемая ученым, зависит не только от фактов, имеющих в его распоряжении, но и от *традиции*, представителем которой он является, от математического аппарата, которым он случайно владеет, от его вкусов, его эстетических взглядов, от мнений его друзей и других элементов, которые существуют не в фактах, а в мышлении теоретика и, следовательно, носят субъективный характер» [9, с.54]. С годами Фейерабенд пойдет еще дальше в своем субъективизме. В 1978 г. в книге «Наука в свободном обществе» он утверждает: «говорить объективно», т.е. независимо от участия в той или иной традиции, невозможно; взгляды участников традиции кажутся объективными вследствие того, что ни сама традиция, ни ее участники в формулируемых ими утверждениях не упоминаются; в то же время эти утверждения *субъективны*, поскольку зависят от избранной традиции; их субъективность становится заметной, как только участники осознают, что другие традиции приводят к иным утверждениям [9, с.493]. Из сказанного, как утверждает автор, вытекает *релятивизм*, который надо признать *разумным*, потому что он обращает внимание на плюрализм традиций и оценок [9, с.494].

Является ли *относительность к традиции* наших суждений выражением субъективности познания - вот в чем коренной вопрос современной эпистемологии. На важности методологического понятия традиции в свое время настаивал Витгенштейн, позднее Т. Кун конкретизировал эту идею, введя понятие *парадигмы*. Обсуждение проблем развития научного знания в свете данного понятия еще больше обострило вопрос об объективных основаниях относительности. Прежде всего речь зашла об истолковании проблемы *несоизмеримости* научных теорий. Фейерабенд полагает, что эта проблема ставит нас перед необходимостью отвергнуть методологию реализма, ибо теперь мы уже не можем считать, что две несоизмеримые теории имеют дело с одним и тем же объективным положением вещей (например, классическая и релятивистская механика). Чтобы принять такое допущение, говорит Фейерабенд, нам нужно согласиться с тем, что обе теории хотя бы ссылаются на одну и ту же объективную ситуацию. Но как можно утверждать, что «они обе» *ссылаются* на одну и ту же ситуацию, если «они обе» никогда не являются осмысленными совместно [9, с.505]? Отсюда автор делает вывод: если мы не хотим сказать, что теории вообще ничего не описывают, то мы должны согласиться с тем, что они имеют дело с разными мирами и что переход от одного мира к другому осуществляется в результате смены теорий; из работ Бора мы знаем, что существуют изменения, которые обусловлены не каузальным взаимодействием между объектами и наблюдателем, а сменой тех самых условий, которые только и позволяют нам говорить об объектах, ситуациях, событиях [9, с.505-506].

Свой анализ проблемы Фейерабенд заканчивает следующими словами: «Мы имеем в виду изменения именно этого последнего рода, когда утверждаем, что смена универсальных принципов вызывает изменение мира в целом. При этом мы уже не предполагаем существования некоего объективного мира, который

не затрагивается нашей познавательной деятельностью, и признаем его только в рамках частной точки зрения» [9, с.506].

Мы позволили себе сделать эти длинные выписки из классика «методологического анархизма», преследуя в основном две цели: во-первых, показать, что проблема соотношения субъективности и относительности была актуальна в философии не только в прошлые эпохи, но и в наиболее плодотворные (для методологии) десятилетия минувшего столетия; во-вторых, отталкиваясь от этого примера, попытаться предложить свое решение этой кардинальной проблемы теории познания.

Аргументация Фейерабенда со ссылкой на работы Бора основана на смешении (или отождествлении) двух понятий - объективных условий познания и субъективных условий. Вся суть в том, что в квантовой физике речь идет о смене не «точек зрения», не теоретических гештальтов, не паттернов, а *экспериментальных* условий познания, выявляющих (при такой смене) новые типы физических объектов. Дело не в том, что ученые в разных парадигмах по-разному видят реальность, а в том, что способ видения обусловлен условиями опыта. Прибегая к абстрактному термину «условия» вообще, Фейерабэнд получает формальную возможность не различать два принципиально разных плана - субъективный и объективный. Теперь, подменяя одно другим, можно легко доказать все, что угодно. Между тем, фундаментальная значимость опыта формирования теории относительности и квантовой механики для гносеологических исследований заключается как раз в том, что обе эти науки дали поразительные по своей ясности и убедительности примеры относительности научной истины, указывающие на существование *объективной* стороны дела.

Если Мах и последующие позитивисты полагали, что наука имеет дело, прежде всего, с *наблюдениями* как с исходной реальностью, которую она упорядочивает и классифицирует, т.е. подчеркивали зависимость знания от фактуально наблюдаемого, то К. Поппер настаивал на том, что существует особый мир объективного знания. Позднее Р. Карнап сформулирует тезис: существовать - значит быть элементом того или иного *языкового* каркаса. В отличие от Карнапа, для которого *языковой каркас* относится либо к сфере наблюдаемого (как в физике), либо к конвенциональности (как в математике), Фейерабэнд говорит об относительности к *теоретическому* языку, имеющему самостоятельный статус. Таким образом, Фейерабэнд занимает некую среднюю (концептуалистскую) позицию между субъективным номинализмом Маха и объективным платонизмом Поппера.

Смысл относительности

Моя идея заключается в том, чтобы расщепить, склеенные напрочь в философском сознании понятия относительности и субъективности. Сделать такой шаг помогает внимательный анализ история становления новой физики XX века. Здесь не место вдаваться в этот вопрос [См. 7], отмечу только два наиболее важных факта. Релятивистская механика показала, что наблюдатели в разных системах отсчета по-разному видят физические события именно в силу того, что они находятся в онтологически нетождественных физических ситуациях. Подобно этому, понятие дополнительности в квантовой физике «употребляют, чтобы характеризовать связь между данными, которые получены при разных условиях опыта и могут быть наглядно истолкованы лишь на основе взаимно исключающих друг друга представлений» [1, с. 49].

Обобщая эти и подобные им факты, можно сказать: в гносеологии понятие *относительности* следует понимать как относительность к тому или иному *контексту* (системе отсчета, экспериментальной установке, традиции, парадигме, языковому каркасу, системе ценностей и т.п.). Однако принципиально важно то, что слово «контекст» должно трактоваться интервально (в разъясненном выше смысле), т.е. должно предполагать относительность к познавательной позиции. В результате мы получаем возможность избежать как парадоксов в понимании относительности в рамках марксистской континуальной модели, так и версий относительности в духе номиналистического или концептуалистского субъективизма. Сказанное не исключает того, что в познании может существовать собственно «эпистемологическая относительность», т.е. относительность к таким контекстам, которые напрямую связаны с естественной («врожденной», «априорной») природой субъекта, с его познавательным аппаратом (например, относительность к «сенсорным мирам» человека или животного). Однако этот случай требует специального рассмотрения. Названную относительность не следует смешивать с *относительностью к наблюдателю*. Если в рамках фиксированной системы отсчета мы одного конкретного наблюдателя заменяем другим, то от такой операции результаты наблюдений не меняются. Факт подобной инвариантности свидетельствует о том, что хотя наблюдатель и несет в себе некоторые черты субъекта познания (например, неизбежность использования наблюдателем «классического языка описания» в квантовой физике), он тем не менее может трактоваться в объективистских терминах.

Может возникнуть вопрос: а целесообразно ли использовать термин «относительность» к таким проявлениям человеческого знания, как размытость смысла, неточность, приблизительность, ошибочность, неразработанность и т.п.? Я полагаю: не целесообразно (во избежание путаницы). Но это вовсе не значит, что данный аспект не следует гносеологически осмысливать. Во всех указанных случаях речь, по существу, идет о недостаточной сфокусированности знания на том или ином конкретном уровне. Так, классическая механика в первой половине XVII в. содержала в себе еще много неясного, неточного, неразработанного и даже ошибочного, Только благодаря работам Ньютона, а позднее Лагранжа и Гамильтона эта наука приобрела тот совершенный и логически законченный вид, какой мы ее знаем сегодня. Дальнейшее совершенствование ее возможно только в деталях и приложениях, но не по существу. Такие науки получили

название замкнутых в себе теорий, которые в своем интервале абстракции отражают реальность «столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа» [2, с.89].

Необходимость фокусировки связана с субъективным аспектом знания, с его несовершенством, исторической ограниченностью, с неизбежной отягощенностью ошибками, путаницей и т.п. Этот аспект, однако, не следует смешивать с другим не менее интересным для гносеологии феноменом. Я называю этот феномен эпистемологической относительностью. Речь идет о таких проявлениях субъективности нашего знания, которые диктуются самой природой субъекта, и которые Кант рассматривал как априорные структуры (в частном случае). Примером такой относительности в современной методологии науки является известный феномен «теоретической нагруженности» данных наблюдения. Эффекты такого рода нельзя (и бессмысленно) исправлять, преодолевать, нейтрализовывать. Это - не несовершенства и не ошибки познания, это такие моменты, которые являются необходимым условием самого процесса познания, его естественной предпосылкой, неустранимой из *результатов* познавательной деятельности.

Краткие выводы

Анализ проблемы относительности знания с позиций интервального подхода позволяет сформулировать следующие выводы:

- в большинстве традиционных гносеологических учений (включая марксизм) понятие относительности знания ассоциировалась с его субъективностью, при этом в разных концепциях предлагались разные механизмы перехода от относительного к абсолютному и от субъективного к объективному;
- существовавшее в традиционных концепциях явное или неявное допущение о родственности понятий относительности и субъективности порождает - в разных учениях по-разному - трудно разрешимые философские затруднения, например, парадоксы континуальной модели;
- в интервальной эпистемологии понятие относительности знания имеет ясный и единственный смысл, во-первых, как относительность к соответствующей объективно фиксируемой познавательной позиции субъекта (о таком знании можно сказать, что оно относительно извне интервала абстракции, и абсолютно – изнутри), во-вторых, это относительность к субъективному a priori.
- вместо континуальной модели бесконечного и непрерывного приближения познания к реальности интервальный подход принимает дискретную модель постижения реальности как движение от одного интервала абстракции к другому.

Источники и литература

1. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – М., 1961.
2. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевой и коперниковой. – М., 1948.
3. Лазарев Ф.В. Проблема точности естественнонаучного знания // Вопросы философии. – М., 1968, - №9, - С. 31-42.
4. Лазарев Ф.В. О природе научных абстракций. – М., 1971.
5. Лазарев Ф.В., Трифонова М.К. Структура познания и научная революция. – М., 1980.
6. Лазарев Ф.В., Новоселов М.М. Методологическое значение проблемы точности в развитии естественнонаучных теорий // Материалистическая диалектика как общая теория развития. – М., 1982, т. 2, - С. 250-280.
7. Лазарев Ф.В., Кураев В.И. Точность, истина и рост знания. – М., 1988.
8. Ленин В.И. Философские тетради. - Полное собрание сочинений. Т. 29.
9. Фейербенд П. Избранные труды по методологии науки. – М., 1986.